

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:
на годъ (50 №№) . . 20 франковъ
» 3 мѣсяца 6 »
» 1 мѣсяцъ (4 №№) 2 »

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

Отдѣльные нумера продаются
по 50 сант. въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденція въ редакцію адресуются: rédaction du journal « LA PAROLE LIBRE », Chemin Dancet, 15, Genève.
Желающихъ имѣть лично объясненія съ редакціей просятъ обращаться по тому же адресу.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Prix du numéro: 50 centimes.

СУББОТА 25 марта 1882
13 марта

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Поученіе отъ врага. — 2) Мнѣніе иностраннаго дипломата о современномъ положеніи Россіи (Извлеченіе изъ конфиденціальной записки). — 3) На случай войны. Военнаго. — 4) Защитникъ русскаго революціоннаго движенія въ Америкѣ. — 5) Успокоеніе для нѣмецкихъ Катковъ. — 6) Корреспонденція изъ Бѣлграда. Вѣча. — 7) Новости изъ австрійской Украины, М. Драгоманова. — 8) Славянская ода, П. Куліша, (изъ «Свѣта», № 2, 1882). — 9) Литературно-политическія замѣтки. IV. Шевченковскій день въ Австріи и Россіи. М. Драгоманова. — 10) Прощеніе г. Цанкова къ Болгарскому князю. — 11) Извѣстія и замѣтки: а) Обѣдъ у г. Виктора Гюго. б) Празднованіе 18 Марта въ Парижѣ, Цюрихѣ и Женевѣ. — 12) Объявленія.

ЖЕНЕВА, 25 марта 1882 г.

Ниже мы помѣщаемъ конфиденціальную записку о современномъ положеніи Россіи, представленную въ самое недавнее время однимъ иностраннымъ дипломатомъ своему правительству. Исполняя просьбу доставившаго намъ этотъ документъ, мы выбрасываемъ изъ него все, что носитъ на себѣ характеръ пикантнаго разоблаченія личностей и удерживаемъ безъ всякихъ измѣненій тѣ мѣста записки, въ которыхъ изображается внутреннее состояніе нашего отечества, въ увѣренности, что голосъ внимательнаго посторонняго наблюдателя поможетъ многимъ уразумѣть истину.

Сужденія автора записки, очевидно, посятъ на себѣ печать его національности и какъ бы нераздѣльной съ нею предразсудочности взгляда на происходящее въ Россіи движеніе. Эта предразсудочность особенно сказывается въ мнѣніи, будто національное пробужденіе эстовъ и латышей «враждебно всякой культурѣ», въ чувствительности слуха à la Катковъ къ говору на польскомъ языкѣ и въ странномъ смѣшеніи цѣлей московскихъ славянофиловъ съ планами такъ называемой «аграрной революціи».

Но за то въ запискѣ метко очерчено внутреннее и внѣшнее безсиліе сдѣлавшихся неосуществимыми болѣе чаяній московскихъ пророковъ, узкость и нетерпимость ихъ политическихъ воззрѣній, «туманность чувства и вождельній» по недоразумѣнію стремящихся къ нимъ на встрѣчу. Съ не меньшею ясностію изображена также неспособность нынѣшняго петербургскаго правительства справиться съ внутреннею анархіей и выставлены на видъ осложненія среднеазиатской политики всероссійскаго колосса, возникшія на китайской границѣ вслѣдствіе рѣшительнаго поворота Небесной имперіи въ сторону европейской культуры и недавняго расширенія русскихъ владѣній на счетъ воинственныхъ племенъ, слишкомъ усвоившихъ себѣ свою степную самобытность, чтобы безпрекословно подчиниться налагаемымъ на нихъ завоевателемъ новымъ государственнымъ обязанностямъ. Авторъ записки приходитъ къ рѣшительному заключенію, подтверждаемому также и печатаемою нами въ этомъ № замѣткою подъ заглавіемъ «На случай войны», что «Россія въ настоящее время должна желать мира и болѣе всего боится войны», а потому-де теперь то именно и настала пора для энергической политики Австріи и Германіи на Востокѣ. По его мнѣнію, Россія можетъ возвратить себѣ мѣсто, которое прежде занимала въ Европѣ, не иначе, какъ «посредствомъ напряженія всѣхъ силъ страны», въ свою очередь «возможнаго единственно при соединеніи въ патріотическомъ одушевленіи различныхъ общественныхъ группъ и партій и при цѣльной и послѣдовательной правительственной системѣ».

Лучше и яснѣе нельзя начертать главныхъ условій возрожденія государственнаго организма Россіи. Читатели наши помнятъ, конечно, что мы именно ставили цѣлью на-

шихъ стремленій объединеніе общественныхъ силъ въ борьбѣ съ произволомъ и такое переустройство внутренняго управленія, которое покоилось бы не на личныхъ разсчетахъ или предпочтеніяхъ правителей съ ихъ прислужниками, а на постоянныхъ, природныхъ интересахъ народовъ, совмѣстно обитающихъ на великой восточно-европейской равнинѣ, съ востока и запада открытой для вторженія врага. Только такое переустройство въ состояніи дать Россіи и строго патріотическую, и цѣльную, и послѣдовательную правительственную систему.

МНѢНІЕ ИНОСТРАННАГО ДИПЛОМАТА О СОВРЕМЕННОМЪ ПОЛОЖЕНІИ РОССІИ. (Извлеченіе изъ конфиденціальной записки).

...Въ европейской прессѣ и публикѣ въ послѣднее время установилось мнѣніе, что воинственныя намѣренія этого государства (Россіи) угрожаютъ спокойствію нашей части свѣта. Нѣсколько полемическихъ статей русскихъ газетъ, бряцанье саблею рубакъ, въ родѣ Скобелева, и крики шовинистскихъ панславистовъ произвели столь сильное впечатлѣніе, что даже въ компетентныхъ кругахъ появились серьезныя опасенія за поддержаніе мира, какъ будто воля правительства и желанія большинства населенія Россіи не заслуживали болѣе быть принятыми въ соображеніе. Но, однако, народъ русскій по инстинкту, правительство же вслѣдствіе извѣстнаго ему положенія имперіи, — оба совершенно нерасположены къ какому бы ни было воинственному предпріятію. Чтобы убѣдиться въ этомъ слѣдуетъ только безъ предвзятой мысли и внимательно разсмотрѣть настоящее положеніе Россіи.

I.

Несмотря на тяжкіе удары, которымъ подверглись здѣшніе революціонеры со времени восшествія на престолъ Александра III, было бы большою ошибкой считать эту опасную партію уничтоженною или сдѣлавшеюся безвредною. Напрс-

тивъ, въ послѣднее время есть много признаковъ, что такъ называемые террористы, а также и другіе болѣе умѣренные революціонеры, готовятся опять развить свою дѣятельность, если только императоръ не вступитъ вновь на путь преобразований, который уже отцѣмъ его, по совѣту гр. Лорисъ-Меликова *), признанъ лучшимъ и вѣрнѣйшимъ. Возобновленіе революціонной дѣятельности можетъ повлечь за собою тѣмъ болѣе опасныя послѣдствія, что есть много фактовъ, указывающихъ на проникшія въ самый народъ общее недовольство и возбужденіе.

Крестьяне громко утверждаютъ, что скоро наступитъ совершенно новый передѣлъ земли; настроеніе ихъ относительно ихъ бывшихъ помѣщиковъ становится болѣе и болѣе враждебнымъ, такъ что многіе изъ послѣднихъ уже оставили свои имѣнія и переселились въ города, гдѣ они считаютъ себя лучше защищенными. Такимъ образомъ, крестьяне сдѣлались, хотя и безсознательно, союзниками нигилистовъ, особенно же ихъ аграрной фракціи, называемой «Чернымъ Передѣломъ». Правительство старалось, правда, убѣдить крестьянъ, что новый царь вовсе не намѣренъ оказывать поощреніе ихъ коммунистическимъ пожеланіямъ, но напрасно: они просто не вѣрятъ этимъ убѣжденіямъ и смотрятъ на нихъ, какъ на выдумки «господъ», старающихся стать между царемъ и народомъ. Правительство Россіи, какъ и общество, видитъ себя обезпеченнымъ этими стремленіями крестьянства и глубоко сожалеетъ о ложной политикѣ прежнихъ эпохъ, которая удерживала населеніе въ невѣжествѣ и оставляла массы безъ всякаго нравственнаго воспитанія. Теперь правительству приходится испытывать на самомъ себѣ невыгодныя послѣдствія такой политики, такъ какъ нѣтъ столь нелѣпаго слуха, который бы не находилъ вѣры въ невѣжественныхъ массахъ, и это, несмотря ни на какія опроверженія или разъясненія правительства. Знаменитый «Сельскій Вѣстникъ», основанный графомъ Игнатьевымъ для внесенія ясности въ тьму крестьянскихъ понятій, производитъ прямо противоположное дѣйствіе. Вопросы, разсматриваемые этимъ изданіемъ, всегда перетолковываются крестьянами по своему, т. е. въ смыслъ полнаго передѣла всей земли или, какъ говорятъ въ Европѣ, аграрной революціи.

И можно ли осуждать русскаго «мужика» за принятіе имъ идеи, внушенной ему миссионерами нигилизма и апостолами панславизма, когда тѣ и другіе часто прикрываются русскимъ государственнымъ мундиромъ, когда въ самой императорской столицѣ и резиденціи, на глазахъ правительства и въ присутствіи многихъ высокопоставленныхъ государственныхъ чиновниковъ, въ славянскомъ комитетѣ держатся рѣчи самаго яркаго социалистическаго направленія, когда, напр., президентъ

*) Автору неизвѣстно, разумѣется, что всѣ преобразовательные планы Лорисъ-Меликова были не болѣе, какъ шарлатанство. Ред.

этого явнаго агитаціоннаго общества осмѣливается громко провозгласить: «Славянскій вопросъ—вопросъ социальный, аграрный, дѣло защиты бѣдныхъ классовъ противъ богатыхъ, вопросъ о равенствѣ для всѣхъ, во всемъ и повсюду!»

Если предположить, что мужикъ могъ бы прочесть и запечатлѣть въ своемъ умѣ всѣ эти прекрасные принципы, то не долженъ ли онъ былъ бы найти въ нихъ подтвержденіе своихъ собственныхъ мыслей, не долженъ ли онъ былъ бы дойти до убѣжденія, что проникнутый славянскими идеями царь раздѣляетъ, одобряетъ и поощряетъ возрѣнія подобныя приведеннымъ выше? При господствующей въ этой странѣ систематической небрежности весьма возможно, что власти останутся равнодушными при практическомъ проявленіи этихъ взглядовъ крестьянъ на собственность, до тѣхъ поръ, пока они не обратятся прямо противъ правительственной власти;—тогда же возмущатся просвѣщать заблудившихся ружейными выстрѣлами и повальнымъ сѣченіемъ.

Это весьма печальная перспектива, но ея тѣмъ болѣе слѣдуетъ опасаться, что и въ Бѣлоруссіи и Литвѣ замѣтно сильное броженіе, которое черезъ Витебскую и Ковенскую губерніи проникаетъ и въ остзейскія провинціи, въ которыхъ оно принимаетъ характеръ враждебный всякой культурѣ.

Въ то же время и между польскою молодежью показывается сильная агитація; повсюду, въ клубахъ и публичныхъ мѣстахъ говорятъ по польски съ замѣтной аффектаціей, и вообще поляки ведутъ себя похоже на то, какъ это было передъ послѣднимъ возстаніемъ. Виною этому особенно слѣдуетъ считать заигрываніе съ поляками, какъ русскихъ революціонныхъ партій, такъ и самого правительства.

Я не нахожу нужнымъ ничего говорить о еврейскомъ вопросѣ, этой извѣстной значительной части русской имперіи, вредное вліяніе которой чувствуется въ различныхъ формахъ цѣлымъ государственнымъ организмомъ.

II.

Отъ внутренняго положенія Россіи, которое многимъ кажется безнадежнымъ, я перехожу къ внѣшнему, также мало благоприятному для какой либо *politique d'avantures*.

Въ этомъ порядкѣ идей, я позволю себѣ, во первыхъ, указать на недостаточно оцѣниваемыя на Западѣ отношенія Россіи съ азиатскими государствами.

Въ правленіе Александра II-го, Россія такъ широко распространилась въ Азіи, что азиатскія владѣнія начали оказывать замѣтное давленіе на русскій колоссъ и стали затруднять его движенія въ Европѣ. Въ послѣднее время, Россія опять приобрѣла въ Азіи значительную территорию: сначала окончательное присоединеніе части кульдженской области, потомъ текинскій оазисъ, наконецъ, благодаря тегеранскому договору, добрый кусокъ зем-

ли у персидской границы. Теперь Россіи предстоитъ трудная задача организаціи всѣхъ этихъ приобретений. Особенное затрудненіе должно, кажется, при этомъ встрѣтиться введеніе общей воинской повинности въ Туркестанѣ, болѣе всего, конечно, у Ахалтекинцевъ. Сердари ихъ при первомъ слухѣ о примѣненіи къ нимъ дѣйствующаго въ Россіи закона, объявили, что готовы служить бѣлому царю, по на своей родинѣ и по своему обычаю; ихъ вооруженіе и способъ веденія войны, нравы и вѣрованія, такъ увѣряютъ сердари, находятся въ противорѣчій съ правилами строгой военной дисциплины, и они не думаютъ, чтобы ихъ соотечественники согласились ей подчиниться. Очень легко можетъ случиться, поэтому, что если русское правительство будетъ настаивать на безотлагательномъ введеніи у нихъ общей воинской повинности, то это вызоветъ сопротивленіе подобное тому, какое австрійское правительство встрѣтило въ Босніи и Герцеговинѣ.

Еще важнѣе для Россіи то недовольство, которое чувствуется въ Китаѣ, вслѣдствіе неполнаго возвращенія кульдженскаго края. Пекинское правительство дѣятельно вооружается и готовится къ рѣшительной борьбѣ. Съ русской стороны принимаются серьезныя мѣры предосторожности: по границѣ съ Китаемъ поселяются значительныя колоніи и устраивается нѣчто въ родѣ Военной Границы. Русское правительство хорошо понимаетъ, что Небесная Имперія теперь уже совершенно не то государство, которое такъ легко было побѣждено небольшимъ корпусомъ европейскаго войска въ 1858 г.; сознаніе Китаемъ необходимости замѣстоустройства средствъ европейской организаціи и естественное развитіе его громадныхъ силъ заставляютъ Россію помышлять не о распространеніи, а о сохраненіи своихъ азиатскихъ владѣній. Увѣренность же, что при всякомъ столкновеніи съ европейскою державою, послѣдняя непременно найдетъ себѣ союзника въ могущественномъ азиатскомъ сосѣдѣ Россіи, должно бы, едва ли не болѣе, чѣмъ какое либо другое обстоятельство, побудить петербургское правительство отказаться отъ сдѣлавшихся неосуществимыми мечтаній, подобныхъ завладѣнію Константинополемъ, соединенію всѣхъ славянъ и т. д.

Впрочемъ, съ освобожденіемъ югославянскихъ народовъ отъ турецкаго ига, доставленіемъ имъ политической независимости, конституціонныхъ учрежденій и съ большимъ проникновеніемъ ихъ европейской культурой, панславизмъ долженъ болѣе и болѣе терять между ними почву. Сравненіе ихъ собственнаго положенія съ положеніемъ страны, въ которой деспотизмъ борется съ анархіей, должно дѣйствовать на всѣхъ славянъ отрезвляющимъ образомъ; выступившія особенно ярко наружу въ послѣднее время стремленія московскихъ шовинистовъ, ихъ національная и религіозная исключительность и фанати-

ческая нетерпимость должны содѣйствовать окончательному порванію связей, основанных не на ясно понятыхъ интересахъ, а скорѣе на туманныхъ, неопредѣленныхъ чувствахъ и вождельніяхъ...

III.

Если къ соображеніямъ, вытекающимъ изъ изложеннаго выше внутренняго и вѣшняго политическаго положенія Россіи, прибавить еще неустроенные финансы ея и постоянное обезцѣненіе денежныхъ знаковъ, если принять во вниманіе, что предполагаемая радикальная реформа арміи, которая до сихъ поръ коснулась только ея мундира, потребуетъ многихъ годовъ прежде, чѣмъ русская армія будетъ въ состояніи состязаться съ арміею какой либо европейской державы, — то нельзя не придти къ убѣжденію, что въ настоящее время Россія должна непремѣнно желать мира и болѣе всего опасаться войны.

Конечно, напряженіе всѣхъ силъ страны для устраненія опасностей, угрожающихъ ея политическому и социальному строю, можетъ возратить Россіи мѣсто, которое она занимала прежде въ средѣ европейскихъ государствъ. Но такое исцѣленіе теперешней ея болѣзни возможно только при соединеніи въ патриотическомъ одушевленіи различныхъ общественныхъ группъ и партій и прицѣльной и послѣдовательной правительственной системѣ; въ настоящую же минуту, къ сожалѣнію, незамѣтно признаковъ ни того, ни другаго.

Поэтому европейскіе кабинеты, поддерживая благія намѣренія правительства Е. В. Александра III-го, легко найдутъ возможность заблаговременно принять мѣры къ тому, чтобы сдѣлать безопаснымъ для спокойствія и мира Европы преобладаніе въ Россіи панславистическаго шовинизма и по выходѣ ея изъ теперешняго ея положенія.

НА СЛУЧАЙ ВОЙНЫ

Въ засѣданіи совѣта министровъ, созваннаго для обсужденія такъ быстро измѣниваемаго политическаго положенія, возбужденъ былъ вопросъ объ удовлетворительности способа мобилизаціи нашей арміи, и такъ какъ военный министръ далъ на это отрицательный отвѣтъ, то ему было поручено, вмѣстѣ съ начальникомъ главнаго штаба, озаботиться выработкою новаго плана мобилизаціи къ концу мая мѣсяца текущаго года, а также и разсмотрѣть вновь всѣ условія готовности Россіи къ войнѣ, на случай столкновенія съ Австріей и Германіей.

Вслѣдствіе этого была собрана коммиссія генераловъ подъ предсѣдательствомъ Обручева.... *)

Въ то же время, онъ (Обручевъ) образовалъ въ главномъ штабѣ 4 отдѣленія, изъ кото-

рыхъ 2 должны были изслѣдовать всѣ шансы войны съ Германіей, а 2 другія съ Австріей. Какъ мыъ положительно извѣстно, всѣ 4 отдѣленія пришли къ убѣжденію о невозможности для насъ вести наступательную войну.

Вопросъ о времени, которое потребуется для мобилизаціи русской арміи (не считая войска въ Азіи), опредѣлено въ десять педѣль, тогда какъ было признано, что Германія можетъ окончить свою мобилизацію въ десять, а Австрія въ девятнадцать дней.

Отдѣленія для войны съ Австріей еще не завершили свои работы; особенно много затрудненій представляетъ вопросъ о переходѣ черезъ Карпаты.

Отдѣленія для войны съ Германіей занялись болѣе всего вопросомъ: слѣдуетъ ли ожидать германскую армію на русской границѣ, или дать ей сопротивленіе только подъ стѣнами Варшавы? Защита границы была признана невозможною вслѣдствіе отсутствія какихъ бы то ни было укрѣпленныхъ пунктовъ для опоры дѣйствующей арміи; возведеніе же земляныхъ укрѣпленій à la Плевна, при извѣстной быстротѣ мобилизаціи и движенія германской арміи, потребовало бы слишкомъ много времени. — Рѣшеніе отдѣленій было поэтому въ пользу сосредоточенія у Варшавы, которая, вмѣстѣ съ Прагою и Новогеоргіевскою крѣпостію, должна быть сдѣлана совершенно неприступною.

При этомъ рѣшеніи руководили не одни стратегическіе, но и политическіе соображенія, такъ какъ всѣ члены отдѣленій раздѣляли убѣжденіе, что берлинское правительство, возбуждавшее въ 1866 г. Венгерцевъ къ возстанію противъ Австріи, не преминетъ призвать и Поляковъ къ независимости и такимъ образомъ обратитъ Польшу изъ непріятельской стороны въ дружескую и союзную.

Изъ всѣхъ этихъ фактовъ слѣдуетъ, что самые компетентные спеціалисты высказались единодушно противъ начатія наступательной войны, но также единодушно стоятъ за безотлагательное принятіе необходимыхъ мѣръ обороны.

Увѣряютъ, что уже 3 педѣли тому назадъ отдано приказаніе вооружить и снабдить провіантомъ крѣпости въ Польшѣ и Западномъ краѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ разсмотрѣть всѣ правила, относящіеся до ихъ защиты, и пополнить ихъ недостатки, если таковые окажутся.

Военный.

Одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ, проживающихъ въ Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ штатахъ, пишетъ намъ, что тамошнее общество имѣетъ самое превратное понятіе о происходящемъ въ Россіи революціонномъ движеніи. Имѣя дѣло только «съ бродягами и скитальцами всякаго сорта, которые шатаются по Америкѣ и только портятъ честное русское имя», япки говорятъ: «если это образчики русскихъ революціонеровъ, то неудивительно, что правительство ихъ вѣшаетъ, такъ какъ кромѣ веревки они ничего другаго и не заслуживаютъ». Съ

цѣлью разсѣять такое заблужденіе, нашъ соотечественникъ издалъ въ Бостонѣ брошюру подъ заглавіемъ «The revolutionary movement in Russia» и посвятилъ объясненію революціоннаго движенія въ Россіи нѣсколько статей въ газетахъ «The Index» и «The Sunday Herald».

УСПОКОЕНИЕ ДЛЯ НѢМЕЦКИХЪ КАТКОВЫХЪ.

Недавно всѣ нѣмецкія газеты обошла пыстидная статейка «Schlesische Zeitung» съ истинно катковскимъ доносомъ на людей, работающихъ въ пользу развитія маленькаго лужицкаго племени (въ Саксоніи и Пруссіи), конечно, на его языкѣ. Вся дѣятельность этихъ почтенныхъ людей объяснялась въ ней московскимъ вліяніемъ и даже просто рублемъ. Мы можемъ успокоить нѣмецкихъ Катковыхъ. Пишущему эти строки пришлось посѣтить нѣсколько лѣтъ тому назадъ Баутценъ и онъ увидѣлъ въ редакціи обывательской нѣмецкой Катковской газеты (Srpske Noviny) изъ русскихъ изданій только: «Московскія Вѣдомости», присылаемые два-три раза въ годъ изъ Дрездена, да аккуратно посылаемый прямо изъ редакціи — «Морской Сборникъ»! Такова живость связей между Россіей и Баутценомъ! А вотъ новѣйшій фактъ. «Новое Время», передавая статью «Schlesische Zeitung» только съ перемѣною знаковъ, — выражалась языкомъ алгебры, — повторяетъ три раза ошибку нѣмецкихъ газетъ, называющихъ лужицкую газету: Novity, вм. Noviny. Петербургская панславистская клыкуша, какъ и нѣмцы, не понимаетъ, что на западно-славянскихъ языкахъ слово noviny, значитъ газета. Куда жь тутъ до вліянія! А «рублю» и въ Петербургѣ найдутъ мѣсто!

ИЗЪ БЪЛГРАДА.

24/п 1882.

Два дня тому назадъ совершилось у насъ важное событіе: кн. Миланъ провозглашенъ въ скупщинѣ королемъ Сербіи. Ни одинъ изъ депутатовъ не высказался противъ этого, всѣ кричали: «живіо краль српски!» всѣ шли къ королю Милану и нили за его здоровье! Я сказалъ, что это важное событіе. Да. Вслѣдствіе краха Union Générale Сербія потерпѣла тяжелый ударъ; она, говорятъ, потеряла до 30 милліоновъ франковъ. Народъ, кромѣ этого, находится въ ужасно худомъ положеніи послѣ выдержанной войны. Вообще, положеніе его въ экономическомъ отношеніи теперь хуже, чѣмъ было когда либо. И въ это-то время прогрессистское правительство даетъ ему короля: увеличиваетъ войско, подати, цивиль-лишь, бюрократію и т. п. И это все оно дѣлаетъ изъ за личныхъ мотивовъ. Князь хотѣлъ позвать Ристича для составленія кабинета, и прогрессисты провозгласили его королемъ, чтобъ только показаться истинными его пріятелями.

Въ скупщинѣ ни одинъ изъ радикаловъ не возразилъ ни одного слова противъ этого дѣла. Въ своемъ органѣ «Самоуправѣ» они даже выразили удовольствіе по поводу учрежденія королевства Сербіи. Всѣ газеты, разумѣется, выразились въ такомъ же направленіи, кромѣ одной «Борьбы» (соціалистической газеты, выходящей

*) Мы выпускаемъ изъ настоящаго письма то, что относится до засѣданій этой коммиссіи, о которой все существенное уже было сообщено нашимъ корреспондентомъ М. въ № 29. Ред.

наместо «Радника»); но статья последней о королевствѣ конфискована.

Говорятъ, что провозглашеніе Сербіи королевствомъ сдѣлано съ одобренія Австріи, которая при этомъ случаѣ общала уступитъ Сербіи Боснію до Врбаса!!—

На дняхъ здѣшніе студенты Великой Школы образовали комитетъ для собиранія денегъ въ пользу инсургентовъ на сербскомъ юго-западѣ. Это, какъ я слыжалъ, послѣдняя попытка въ этомъ отношеніи, потому что правительство, какъ я вамъ послѣдній разъ писалъ, не позволяетъ, чтобы въ Сербіи были такіе комитеты. Профессора Великой Школы большею частью либералы, которые недовольны политикою нынѣшняго правительства, и студенты думаютъ найти въ нихъ опору.

Статуи сербской омадины въ Австро-Венгріи передѣланы по замѣчаніямъ министра Тиссы и посланы ему опять на утверждение.

В—чѣ.

НОВОСТИ ИЗЪ АВСТРИЙСКОЙ УКРАИНЫ.

Въ послѣдніе двѣ недѣли въ Галичинѣ продолжались полицейскія и прокурорскія рысканья, обыски, аресты, имѣвшіе цѣлью уловить «корни и нити» то «московской», «панславистической», то социалистической пропаганды,—то одного и другого вмѣстѣ. Обыскамъ и шиканамъ всякаго рода подвергаются люди всѣхъ возрастовъ и состояній,—въ томъ числѣ въ значительномъ количествѣ крестьяне. О законахъ при этомъ столь же мало думаютъ въ Галичинѣ, — этой «самой свободной части Польши» (исторической, конечно),—какъ и въ монархической Россіи. Такъ, напр., 10 марта въ селѣ Рейтеровичахъ забрано послѣ обыска 59 незапрещенныхъ украинскихъ книгъ, въ родѣ того, какъ это сдѣлано еще недавно въ гадячскомъ уѣздѣ полтавской губерніи съ «Малорусскими преданіями и разсказами», изд. кievск. географическ. общества. Совершенно по-російски польскія власти въ Галичинѣ производятъ въ политическіе проступки и дѣтей и отроковъ. Такъ, въ Станиславѣ гимназистъ IV кл. Морозъ, привлеченъ къ суду за разговоры политическаго характера, и хотя, по разбору дѣла, отъ суда уволенъ, — по высшему педагогическому властію (рада школьна) исключенъ изъ станиславскихъ учебныхъ заведеній. Можно поздравить галицкія власти съ этимъ вступленіемъ на дорогу, которая приготовитъ и у нихъ классъ своего рода «нелегаловъ». Подобно тому, какъ русское правительство сражалось въ 1865—68 гг. съ католическими эмблемами на крестахъ (фигурахъ) въ западномъ краѣ (изъ коихъ нѣкоторые кресты были оставлены крестьянами въ память эманципаціи), галицко-польскіе жандармы сражаются теперь съ «трираменными» крестами, требуя отрѣзки третьяго плеча, какъ признака «схизматическаго» духа, — и на манеръ придирокъ русскіихъ властей къ униатамъ въ Холмщинѣ, — полиціанты польскіе въ Галичинѣ допрашиваютъ русиновъ-крестьянъ, правда ли, что они раздають имъ просфоры, — и въ этихъ разспросахъ полиціанты слѣдуютъ только внушеніямъ газеты «Dziennik Polski», — въ которой, кстати сказать, въ числѣ сотру-

дниковъ находятся польскіе демократы революціонеры 1863 г. и одинъ бывшій москвофилъ, обличавшій въ 1867 г. г. Кулиша въ отсутствіи истинно-славянскихъ чувствъ.

Характерную новость въ текущихъ преслѣдованіяхъ, составляетъ арестъ нѣсколькихъ воспитанниковъ высшихъ школъ въ Львовѣ, бывшихъ гимназистовъ и учениковъ педагогической семинаріи въ Львовѣ за «панславизмъ», но не «московскій», «російскій», — а «руско- (украинско) польскій» и за социализмъ. Corpus delicti пока не найденъ, и арестованные выпущены,—но новое преступное направленіе, которое состоитъ въ примиреніи русиновъ и поляковъ въ работѣ для «хлопа»,—замѣчено въ обломкѣ государства, которое представляло-де «братскій союзъ Польши, Литвы и Руси»! Очевидно, что «братскій союзъ» начинается установляться въ нѣкоторыхъ кругахъ, но совсѣмъ не такого рода, какъ ожидали польскіе патриоты старыхъ партій.

Кромѣ обысковъ, арестовъ и разныхъ придирокъ, гоненіе на русиновъ выражается еще закрытіемъ нѣсколькихъ читаленъ, по самымъ мизернымъ поводамъ. Известно, что открытіе народныхъ читаленъ составляетъ самое наглядное проявленіе того стремленія къ организаціи, которое замѣчается въ послѣдній годъ среди русиновъ. Стремленіе это нельзя уже остановить полицейскими придирками, — и въ самое послѣднее время на три закрытыя полиціей читальни — открыто пять новыхъ въ Галичинѣ,—и движеніе начинаетъ переходить и въ Буковину. Тамъ въ февралѣ былъ въ Черновцахъ митингъ, на которомъ присутствовало 143 человекъ, изъ нихъ около 70 мѣщанъ и крестьянъ. Говорили о громадскихъ кассахъ, магазинахъ и читальняхъ. Послѣ того открыто 5 новыхъ читаленъ. По извѣстіямъ «Батьківщини», противъ читаленъ, за которыми въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слѣдуютъ громадскія лавки, общества трезвости, кассы,—возстаютъ особенно инкарны—евреи, отъ которыхъ исходитъ очень много доносовъ.

Всѣ эти попытки организаціи русиновъ очень еще первобытны и одинъ изъ крупнейших недостатковъ ихъ состоитъ въ томъ, что священники усиленно стремятся придать имъ клерикальный характеръ, который ведетъ за собою по большей части національно-религиозную исключительность, неумѣстную и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ крестьяне и мѣщане украинцы перемѣшаны съ дѣйствительными поляками, (или, какъ въ Буковинѣ, съ румынами) или тамъ, гдѣ населеніе болѣе цѣльно по національности, но принадлежитъ къ двумъ религіознымъ исповѣданіямъ (напр. въ Галичинѣ къ католицизму и униі, въ Буковинѣ къ православію и униі). Упомянутый клерикализмъ тѣмъ болѣе теперь неумѣстенъ, что, какъ это уже говорилось въ «В. Ст.», въ населеніи украинскомъ и въ Австріи замѣтно круговое движеніе отъ «вѣры отцевъ». Уже въ прошломъ № «В. Ст.» было сообщено о переходѣ буковинскаго села Путилова изъ православія въ унию, — подобно тому, какъ галицкое село Гинички заявило желаніе перейти изъ униі въ православіе. Теперь галицкое село Кольбаковичи заявило, что перейдетъ въ католицизмъ, если ему не

назначатъ отдѣльнаго священника. Въ виду этого движенія, а равно въ видахъ объединенія разнороднаго населенія на почвѣ общихъ ему интересовъ, умѣстнѣе бы было, чтобы громадскія учрежденія, какъ читальни, лавки, кассы и т. п., имѣли чисто свѣтскій характеръ и чтобы священники принимали въ нихъ участіе, только какъ граждане, а не какъ руководящіе представители своего вѣроисповѣданія.

Мысль о необходимости для крестьянъ организаціи для огражденія ихъ экономическихъ интересовъ и при томъ организаціи безъ всякой вѣроисповѣдной и національной исключительности начинаетъ все больше созрѣвать въ средѣ тамошнихъ украинцевъ,—какъ это видно особенно по послѣднему № «Батьківщини» (№ 6). Передовая статья этой популярной двухнедѣльной газеты написана по поводу меморандума нѣмецкихъ крестьянъ изъ нижней Австріи, который особая депутація собирается представить министерству. Меморандумъ этотъ очень обстоятельно обсуждаетъ разныя стороны экономического положенія и выражаетъ крестьянскія пожеланія. Въ положеніи крестьянъ самое характерное теперь — это задолженность ихъ земель. Изъ пожеланій крестьянскихъ нѣкоторые носятъ реакціонный характеръ (подобный тому, какой носили и стремленія городскихъ рабочихъ въ началѣ ихъ движенія), такъ напр. австрійскіе крестьяне не только желаютъ запрещенія евреямъ быть чиновниками или покупать крестьянскія земли, но хотятъ установленія налога на русійскій и американскій хлѣбъ, ленъ и т. п. Другія желанія слѣдуютъ конкретны: свобода сѣянія табаку, уменьшеніе цѣны соли и т. п. Но многіе захватываютъ шире экономическій вопросъ: объ общинныхъ земляхъ, опредѣленіе minimum'a непродажной земли, — другія затрогиваютъ и социально-политическій строй: дороговизну судопроизводства, тяжесть налоговъ и военной службы, требованіе всеобщаго голосованія и т. п.

«Батьківщина», впрочемъ, не входитъ въ разборъ желаній нѣмецкихъ крестьянъ, — а, находя (и справедливо), что въ заявленіи ихъ самое важное—это то, что крестьяне, — «берутъ сами свою справу въ свои руки», — одобряетъ всѣ ихъ en bloc и предлагаетъ (по нашему, не практично) крестьянамъ русинамъ просто скопировать меморандумъ австрійскихъ крестьянъ и представить его министерству, — «чтобы не сказали, что одни хотятъ одного, а другіе другого, такъ нельзя никому ничего дать». Мы полагаемъ, что теперешнее министерство не дастъ никому ничего и по другимъ причинамъ, — а кромѣ того, не всѣ желанія австрійскихъ крестьянъ и резонны. Главное значеніе ихъ меморандума пока состоитъ въ томъ, какъ замѣтила и «Батьківщина», что крестьяне австрійскіе «не молчатъ», и въ этомъ только и слѣдуетъ безусловно подражать имъ. Если что изъ ихъ писаній для министерства слѣдуетъ скопировать и русинамъ, такъ это статуты крестьянскихъ союзовъ (Bauernvereine) для того, чтобы правительство не имѣло повода отказать въ разрѣшеніи такихъ союзовъ и въ Галичинѣ,—къ чему оно, конечно, будетъ подыскивать всякіе резоны. Образованіе та-

кихъ союзомъ теперь самое настоящее дѣло для Галиціи украинской, какъ и польской и слѣдовало бы въ этомъ дѣлѣ крестьянамъ обѣихъ націй выступить сразу, дружно. Предлагая скопировать нѣмецкій меморандумъ, украинская газета говоритъ: «пошлемъ и мазурамъ это письмо, — пусть и они подписываютъ, потому, что они имѣютъ одинаковыя съ нами потребности; они намъ равны и братья, а противники наши только польскіе паны да подпанки». Все это очень отрадно читать въ галицкой популярной газетѣ. Только мемуара мало, — надобна постоянная организация, хотя бы на первыхъ порахъ самая скромная: въ родѣ уже существующихъ въ нѣмецкихъ земляхъ Австріи крестьянскихъ союзовъ. Неужели во Львовѣ не найдется никого, чтобы взять на себя инициативу такой организаціи въ хотѣ окрестностяхъ Львова, гдѣ кстатіи есть крестьяне и русины, и поляки?

Во всякомъ случаѣ разбираемая передовая статья названной газеты представляетъ утѣшительное явленіе послѣ столькихъ лѣтъ сервилизма и узкоглядства галицкой прессы, — и слова ея: «доля не придетъ сама собою; нужно самому стараться для своего добра. Если будемъ тихо сидѣть, молчать и ждать, пока намъ дадутъ что добраго сверху, то можемъ еще долго прождать... Смотрите, какъ дѣлаютъ другіе для своего спасенія: нѣмецкіе крестьяне кричатъ, а ирландскіе даже бунтуютъ!» — найдутъ, конечно, отголосокъ и среди крестьянства. Только надо успѣшить закрѣпить впечатлѣніе — фактомъ. Такимъ фактомъ, самого умѣреннаго характера, было бы, по нашему мнѣнію, созваніе польско-русинскаго митинга съ цѣлью заложения крестьянскихъ обществъ въ обѣихъ половинахъ Галиціи.

М. Драгомановъ.

СЛАВЈАНСЬКА ОДА *).

Відгук на панславистичне гукань-
ще по Европі Россійського Архип-
стратига Скобелева.

Славянскіе ль ручьи сольются въ рус-
скомъ морѣ,
Опо ль изсякнеть — вотъ вопросъ!
Пушкинъ.

Обманщице, кого ти не лестила,
Кому м'якихъ не слала ти перин?
Ще мало ти льудей занапастила,
Що вірили обіцанкамъ твоїмъ!...

«Свѣтою» ти себе провозгласила
І небеса під себе осьягла,
А на землі твоја печиста сила
Славянську кров сторікамъ лила.

Объяти світ залізними руками
Силкуєсеа, пчоб людському уму
Спорудити с продажними понами
Вселенську безвиходну тюрму.

І всіх Славян скликаєш во једино:
«Зливайтєся: ја — море, ви — ручїї...
Коритєся і пахилїјате спину,
Хилїтєся під присуди мої.

*) Перепечатаемъ изъ 2 № «Свѣта» за 1882 г.
Ред.

«У мене ви дознајете впокоју,
Як праведні у бога за дверми:
У багнншчі, стојачоју водоју,
Гнистимете з московськими льудьми.

«А як на вас коли, в лиху годину,
Воздвигне врагъ безошчаду војну,
То вирикє вас тільки половиною,
А тамъ пријду і васъ обороню...»

Да славншца Народъ Освободитель!
Да шествує во слід йому біда:
Да буде вінъ во віки побідитель!
Да льєтєца кровъ славянська якъ вода!

П. Куліш.

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

IV.

Шевченковскій день въ Австріи и Россіи.

Давно уже день смерти Шевченка (26 февр., 10 марта) сдѣлался повсюду, гдѣ находятся украинцы, днемъ публичныхъ собраній, на которыхъ такъ или иначе, сообразно степени развитія собравшихся и, надо прибавить, особенно о Россіи, политическому барометру, поминается словомъ, а иногда и дѣломъ (подпиской въ пользу какого либо учрежденія) имя человека, котораго Герценъ справедливо называлъ «едва ли не единственнымъ народнымъ поэтомъ». При большей свободѣ, въ Австріи эти собранія получили характеръ національно-политическихъ митинговъ, по поводу которыхъ русины разныхъ мѣстностей, провинцій и мнѣній обмѣниваются по крайней мѣрѣ привѣтствіями, которыя свидѣтельствуютъ объ извѣстномъ общемъ для нихъ началѣ, — и въ послѣднее время пріятно видѣть, что этимъ началомъ становится все больше завѣтъ Шевченка «обнимите наименьшаго брата». Послѣ 1866 г., когда московская нетерпимая централистическая нота была внесена и въ Галицію, нашедши здѣсь себѣ опору въ клерикальной реакціи и своего рода поповско-бюрократическомъ аристократизмѣ, — поминки Шевченка были въ теченіе болѣе 10 лѣтъ встрѣчаемы враждебно со стороны той партіи, которую не совсѣмъ справедливо называли общерусскою (такъ какъ значительная часть ея не любитъ «козацкаго украинства» вовсе не изъ московскаго панрусизма, а изъ австро-уніатскаго «рутенизма»), — и поминки эти имѣли болѣе или менѣе партіозный характеръ, — собраній «молодой» партіи, или лучше молодыхъ партій. Поминательныя собранія 26 февраля не допускались напр. въ львовскій «Народный Домъ», національную собственность, которая раскрывала однако-жъ свою залу для увеселеній, не имѣющихъ ничего общаго ни съ народомъ вообще, ни съ русинскимъ народомъ, на деньги котораго она устроена, въ особенности. Но нѣсколько лѣтъ тому назадъ, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, на шевченковскіе собранія стали появляться и литературные представители старыхъ партій, а съ прошлаго года распорядители «Народнаго Дома» допустили собраніе и въ стѣны этого храма. Въ настоящемъ году празднество Шевченка ознаменовалось со стороны одного изъ пред-

ставителей старыхъ партій только маленькою, хотя и характерною выходкою, о которой сообщаетъ львовскій журналъ «Свѣтъ»: Крылошанинъ Павликовъ не позволилъ своей дочери пѣть въ хорѣ и отвѣтилъ депутаціи, которая явилась къ нему просить объ этомъ позволеніи: «не позволю, потому что Шевченко былъ «схизматикъ» (православный). Слѣдуетъ замѣтить, что г. Павликовъ состоитъ председателемъ того самого литературно-хозяйственнаго общества «Имени Качковскаго», между членами котораго теперь произведено нѣсколько арестовъ по поводу ихъ «москвофильства» и о преданности котораго «Москвѣ и шизмѣ» столь много накричали польскія газеты со злостію и русскіе съ радостью. Какъ прогрессъ нынѣшняго года, слѣдуетъ отмѣтить болѣе значительное участіе въ празднованіи Шевченкова дня буквинцевъ, которые до сихъ поръ были подъ сильнѣйшимъ давленіемъ старыхъ партій. Только еще Мукачевская Крапна или Русь Венгерская блистаетъ отсутствіемъ въ этотъ день: образованные люди ея, презирая «языкъ слугъ», дѣлятся между прихвостничествомъ передъ венгерскими «господами», или мечтами о приходѣ «господъ» изъ Москвы, или соединяютъ то и другое вмѣстѣ, — а «слуги» въ этой землѣ до сихъ поръ и не слыхали, что среди ихъ братьевъ по ту сторону Карпатъ былъ великій кобзарь «воли, правды и науки».

Въ двухъ центрахъ особенно бывають интересны собранія въ день Шевченка: въ Львовѣ, столицѣ Галиціи, и въ Вѣнѣ, гдѣ учится много молодежи русинской въ университетѣ и въ духовной семинаріи, гдѣ проживають по временамъ русины депутаты парламента, военные и гдѣ въ день этотъ на собраніе являются представители всѣхъ славянскихъ народовъ Австріи, а иногда и находящіеся тамъ временно русские, украинцы и великоруссы, болѣею частію молодые ученые, знакомящіеся съ русинами въ аудиторияхъ, лабораторіяхъ да въ читальнѣ общества «Січ» (Сѣчъ). Поминательное торжество обыкновенно состоитъ изъ рѣчей, декламаций, пѣнія, музыки и чтенія телеграммъ.

Давая отчетъ о львовскомъ собраніи этого года, газета «Діло» говоритъ, что въ виду теперешнихъ преслѣдованій русиновъ, оно «стало всенародною манифестаціею, которая безъ большого шума и крику разогнала (?) темныя тучи на нашемъ горизонтѣ, отразила бурныя волны напастливаго пристрастія враговъ Руси и влила въ сердца наши новую отвагу, новое сознаніе нашего народнаго идеала, нашей правды и силы». Подробности описанія львовскаго собранія мало, впрочемъ, способны подтвердить эти слова. Самою крупною частію вечера была рѣчь г. Барвинскаго, редактора «Діла», о которой сказано въ этой газетѣ, что она, «благодаря теперешнимъ обстоятельствамъ, должна была получить характеръ болѣе метафорической образности, чѣмъ наглядной ясности». Къ сожалѣнію, метафорамъ г. Барвинскаго не доставало и ясности переносной, а къ тому же и вѣрности, и въ этомъ вридь ли можно винить только однихъ «обстоятельства»; — виновата, очевидно, неясность и самаго сознанія своего положенія и обязанностей у людей, которыхъ представлялъ ораторъ, и привычка къ

фразеологизм, вместо реальных идей о прошлом и настоящем.

Так, порабощение украинской нации в прошлом столетии оратор изображал с такою «метафоричною образностью»: «На тихий плеск, на спокойное, как невинная улыбка дитяти, чистое зеркало нашей народной жизни, озолоченное первыми розовыми лучами весеннего солнца и проч. и проч. — с Севера и Запада налетели туманный, темный, злобный тучи, загромили подземные(?) громамы» и проч. и проч. — почти на целую колонну фельетона. В действительности порабощение Украины туземцами Севера и Запада случилось после раздела ее сначала между Польшою и Московией, а потом между ними и Турцией в к. XVIII в., т. е. вовсе не «весною» и не среди невинных улыбок, а среди бурной эпохи козацко-крестьянских войн, продолжавшихся целое столетие. Время перед появлением Шевченка оратор изображает так: «Затихла пала весенняя пѣсня на шпрокой Украинѣ, замолкло наше родное слово на козацкой землѣ и пр. и пр. и диво дивное: среди тьмы, туч и громовъ съ Севера и запада и т. д. послышался голос нашего великаго пароднаго кормчаго», т. е. Шевченка, «богатыря-молодца, гения» и т. п. В действительности было только то, что, при политическом порабощении края и социальной неволе массы, аристократия на Украинѣ перешла въ чужія національности, — по ни родная пѣсня, ни слово не замолкло на Украинѣ, — оттого, какъ только съ конца XVIII в. повѣяло изъ Европы свободнымъ вѣтромъ, отголоскомъ грома политической и социальной революционной буря, — такъ это слово простаго народа получило уваженіе отъ болѣе чувствительныхъ и догадливыхъ представителей образованныхъ классовъ, — а постепенное распространение образования и правъ повело къ большому развитію національнаго сознанія на Украинѣ, въ каковомъ нашла себѣ мѣсто и болѣе энергичскіе элементы простонародья, не забывшаго своей старой грозной борьбы за свободу. Сообразно этому, въ действительности Шевченку предшествовали литературныя попытки писанія украинскаго, непрерывавшіяся вовсе и въ XVIII в., предшествовало собраніе памятникъ пароднаго слова, изученіе исторіи края, а на окончательное формироуаніе идей «великаго кормчаго» имѣли вліяніе и его товарищи, напр. федерально-демократическіе панслависты, въ родѣ Костомарова. Такому реальному пониманію украинской исторіи и положенія въ ней великаго кормчаго соотвѣтствуетъ и опредѣленіе роли заурядныхъ людей среди современныхъ украинцевъ (ибо богатыри дѣло рѣдкое!): осматривайтесь реально около себя, дружно работайте въ направленіи политическаго, социального и культурнаго освобожденія массы, — и побѣдите тучи и северныя, и западныя, и всякія шны, еще при помощи подобныхъ вамъ борцовъ северныхъ, западныхъ и пр. и пр. А съ метафорами да съ пассивнымъ культомъ богатырей-молодцевъ далеко не уйдете.

Къ сожалѣнію, въ рѣчахъ и телеграммахъ, читанныхъ на собраніи 26 февраля во Львовѣ, гораздо болѣе метафоръ, преклоненія передъ богатыремъ и вообще чувства, чѣмъ

энергической мысли и яснаго желанія. Больше всѣхъ понравилась намъ телеграмма академическаго (университетскаго) общества «Союзъ» въ Черновцахъ: «слава почитателямъ незабвеннаго кобзаря-мученика! Пусть любовь, которою онъ любилъ свою мать-Русь (Украину), обниметъ всѣ русскія сердца и сгнѣнетъ вражда и несогласіе. Обнимите же, братья мои, наименьшаго брата; пусть улыбнется мать, заплаканная мать!» Но съ грустнымъ чувствомъ и, надо сознаться, съ пожатіемъ плечъ, прочитали мы телеграмму изъ Фочы, въ Герцеговинѣ: «Съ побонща на далекомъ югѣ посылаемъ вамъ, братья, искренній привѣтъ и: боже, помоги! на великій праздникъ нашего Тараса и среди града пуль восклицаемъ: «еще не умерла Украина!» Русины (военные)».

Болѣе опредѣленный смыслъ имѣютъ телеграммы, полученныя въ Вѣнѣ обществомъ «Січ», на устроенномъ имъ праздникѣ, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и праздникомъ XV годовщины существованія «Січи». Тутъ были представители обществъ: «Буковина», Akademicky Spolek (чешск.), Ognisko (польск.), Slovenia, Sokol, Tatra (словацк.), Зора (сербск.) Zvonimir (хорватск.), и нѣсколько ученыхъ изъ Россіи, въ томъ числѣ и великоруссы. Січѣта была между прочимъ и великорусская пѣсня и повтора. Денги были получены изъ разныхъ мѣстъ Галиціи, Буковины, изъ Женева, изъ Босніи и Герцеговины. Львовскіе семинаристы почтили Шевченка, какъ «мученика за права человѣчности». Редакція львовской популярной газеты «Батьківщина» выразила желаніе, — «чтобъ свѣтомъ науки побороть царство тьмы и братскою рукою избавить приниженный мужицкій народъ изъ темной норы и посадить его за всемірное ниршество». Украинская громада въ Женевѣ, привѣтствуя всѣхъ, собравшихъ во имя Ш—ка, пригласила специально «товарищей русиновъ нести идеи его глубоко въ народъ, — свой и въ сосѣдніе. Силъ побѣдите!»...

Что касается до связанной съ Шевченковымъ днемъ XV-й годовщины «Січи», то она ознаменовалась чтеніемъ очерка исторіи товарищества за 15 лѣтъ его существованія. Очеркъ этотъ еще не появился въ печати цѣлкомъ, — а, по извлеченію, напечатанному въ 18 № «Дѣла», видно, что въ немъ было обращено особенное вниманіе на основаніе библіотеки и на преобразование товарищества изъ время-препровождительнаго въ литературное, послѣ чего «Січ» выдала «Короткую исторію Малорусскую» г. Маркевича и 4 выпуска поэзій Шевченка. Библіотека въ «Січи», точно, очень порядочная и замѣчательная она между прочимъ тѣмъ, что это самая богатая въ Австріи библіотека по частн великорусскихъ книгъ (кроме, разумѣется, библіотеки чешскаго музея). Но мы прибавимъ, что библіотека эта была увеличена особенно въ то время, когда «Січ» была въ особенно оживленныхъ сношеніяхъ съ російскою Украиной (въ 1873—76 гг.) Въ послѣднее время сношенія эти не поддерживались и библіотека далеко не процвѣла. Что касается до издательской дѣятельности «Січи», то уже изъ того, что она ограничивается литьемъ брошюрками, видно, что по этой части по-

хвастаться обществу особенно не чѣмъ, — а кто знаетъ это дѣло въ подробностяхъ, тотъ можетъ и долженъ сказать, что въ издательской частн «Січ» подвизалась болѣе ко стыду, чѣмъ ко славѣ. Первый выпускъ «Короткой исторіи малор. народа» былъ изданъ ею еще въ 1874 г. по рукописи, переданной изъ Россіи; послѣ того еще въ 1875 г. переданъ былъ «Січи» 2-й выпускъ, который такъ и не увидѣлъ свѣта, хотя о приготовленіи его къ изданію общество объявляло даже печатно. Изданіе 4 брошюръ изъ Шевченка — произошло такъ: когда печаталось въ Прагѣ (въ 1875 — 76 гг.) полное изданіе «Кобзаря», то нѣсколько пьесъ (въ томъ числѣ «Марія») были отбиты особыми брошюрами для распространенія въ средѣ крестьянъ и предоставлены въ распоряженіе «Січи». «Січевики» очень не энергичски занимались этимъ распространеніемъ, пока наконецъ въ 1877 г., во время гошкы галицкой полиціи за украинскими социалстами, полиція и вѣнская провѣстка въ «Січ» и не забрала упомянутыя брошюры, — конфисковать которыя она не имѣла права, какъ уже упомянутыя въ 1875—76 гг.

Тѣмъ не менѣе «січевики» не обжаловали дѣйствій полиціи, которая, если не ошибаемся, и до сихъ поръ не возвратила имъ забранныхъ брошюръ, которыхъ во всякомъ случаѣ нѣтъ ни въ продажѣ, ни въ распространеніи въ австрійской Украинѣ. Возвѣщавшіе же въ 1875—76 гг. на публичныхъ собраніяхъ, — въ томъ числѣ и на Шевченковскихъ собраніяхъ, планы «січевиковъ» объ изданіяхъ популярно-научныхъ до сихъ поръ нѣсколько не осуществлены. Послѣ всего сказаннаго можно даже спросить: какое основаніе «Січ» имѣетъ называться литературнымъ обществомъ?! Да и вообще вада признаться, что «Січ» вовсе не оправдала надеждъ, которыя внушало уже одно ея имя, а въ эпоху 1875—76 гг. и ея публичныя деклараціи. Во избѣжаніе недоразумѣній, мы должны оговориться, что мы вовсе не требуемъ, чтобъ «Січ», — общество открытое, національное (Landsmannschaft) и литературное, — была обществомъ революционнымъ, партійнымъ или даже политическимъ. Нѣтъ! Всякому дѣлу — свои средства! Но мы думаемъ, что, сохраняя вполнѣ свой открытый, національно-культурный характеръ, — но только энергически дѣйствуя, — «Січ» могла бы сдѣлать гораздо болѣе и для австрійскихъ украинцевъ, и для всего украинскаго дѣла, и для пропаганды его среди славянской публики... Впрочемъ, обсуждая дальше этотъ предметъ, мы бы зашли далеко. Sapienti sat!

Шевченковскій день въ этомъ году не прошелъ незамѣтно и въ Россіи. Во Львовѣ была прочитана телеграмма, посланная въ этотъ день изъ Кіева, а въ російскихъ газетахъ мы прочитали извѣстіе о поминаніи этого дня и въ другихъ городахъ: — концертомъ (въ Петербургѣ) и панихидами (въ Москвѣ и Харьковѣ)*). Въ Москвѣ, впрочемъ, съ разрѣшенія начальства» поминали поэта «ис-

*) Въ газетѣ «Трудъ» сказано о петербургскомъ концертѣ: «музыкальный кружокъ, организовавшій вечеръ, собственно чуждъ, какъ Малороссіи, такъ и Шевченку, и устроилъ этотъ вечеръ, отвѣчая на чисто общественную потребность».

злим—тихим словом»; было и вечернее собрание в одной из гостиниц, где «земляки» вспомнили поэта «рідноју мовоју і рідноју пісню». Очевидно, что все эти собрания столь уже постыдного характера, в идейном, конечно, смысле, что они возбуждают только чувство неудовлетворенности во многих почитателей Шевченко. Многие из них, — порадикальнее, просто сторонятся от всяких публичных и полупубличных, легальных и полунелегальных (по российской мѣркѣ) демонстрацій в Шевченковский день. Другие, даже из умѣренных, выражают желаніе ознаменовать свою память о Шевченко, чѣмъ нибудь если не болѣе дѣловымъ, то болѣе прочнымъ, чѣмъ «сумованіе» и пѣсни 26 февраля. Предлагаютъ то устройство памятника на могилѣ Тараса, то школы его имени, то памятника ему в Кіевѣ и т. п., но все эти планы обыкновенно ни къ чему не приводятъ. Мы осмѣливаемся думать, что они, при настоящихъ обстоятельствахъ в Россіи, ни къ чему и не могутъ привести, — кромѣ развѣ добровольнаго доноса на самихъ себя со стороны умѣренныхъ любителей украинской національности и народа. Возьмемъ — те примѣры прошлаго: тотчасъ послѣ похоронъ Ш-ка в Петербургѣ кружокъ друзей его позволилъ собирать деньги на устройство около его могилы подъ Каневомъ ремесленной школы. Деньги были собраны, — но школа не была открыта, благодаря российской администраціи. Школу приходилось открывать на землѣ, принадлежавшей городскому каневскому обществу, — а кіевск. генер. губ. Анненковъ — (который вмѣстѣ съ кіевскимъ предводителемъ дворянства Горватомъ, прошившимъ о срытіи могилы Ш-ка, какъ бунтующей крестьянъ, представлялъ в Петербургъ, что проводимая импемъ Ш-ка пропаганда страшнѣе польскаго возстанія) приказалъ каневскому обществу, дѣтей котораго школа бы и учила, — отказать въ уступкѣ земли подъ школу. У подножья горы, на которой погребенъ Ш-ко, — поставленъ былъ на время пріѣзда пароходовъ кварталный, который спрашивалъ паспорта и записывалъ имена лицъ, поднимавшихся на могилу. Мало по малу о школѣ перестали говорить, а могила пришла въ запустѣніе. Наконецъ послѣ одного вечера 26 февраля (въ 1875 г.) в Одессѣ образовался кружокъ, который напечаталъ нѣсколько брошюръ и статей о Ш-кѣ и сталъ собирать деньги и на памятникъ на могилѣ, и на школу. Кончилось тѣмъ, что казначей кружка былъ сосланъ въ архангельскую губернію. Настала Лорисовская оттепель, — и опять сердца легальныхъ поклонниковъ Ш-ка затеплились надеждою. Нѣсколько гласныхъ кіевской думы подали заявленіе о наименованіи одной городской школы именемъ Шевченко. Назначено было время обсужденія предложенія. Какъ вдругъ 1 марта (1881 г.)! Одинъ изъ подписавшихъ предложеніе, кн. Репнинъ, отказался отъ своей подписи, — «въ виду событія 1 марта.» Дума рѣшила вопросъ о Шевченковской школѣ отрицательно!

Курьезнѣе былъ отказъ кн. Репнина, — постыдно было рѣшеніе думы, — по страницамъ были и доводы защитниковъ предложенія

и въ думѣ, и въ печати. Шевченко сравнивали и съ Некрасовымъ, и съ Достоевскимъ, памяти которыхъ тогда производились оваціи съ разрѣшенія начальства; говорили даже, что Шевченко, какъ и убитый 1 марта царь, — желалъ освобожденія крестьянъ. Слыша такіе рѣчи, невольно являлся вопросъ: кого тутъ дурачатъ больше? публику или самихъ себя? Но несомнѣнно, что начальство одурачить было трудно: оно прекрасно понимаетъ разницу между Шевченко, — котораго половину сочиненій нечего и думать печатать в Россіи, и Некрасовымъ, даже если бы послѣдній не писалъ стиховъ въ честь царя и Муравьева, — между Шевченко, который и по возвращеніи изъ ссылки, идя мимо Петропавловской крѣпости, думалъ, «про те жъ таи, шчо і перше думавъ», — и Достоевскимъ, который прославлялъ монархію и даже благотѣльное вліяніе каторги, — между Кобзаремъ и Положеніемъ 19 февраля 1861 года. Своими «благонамѣренными рѣчами» защитники проекта о Шевченковской школѣ в Кіевѣ не могли удовлетворить ни независимыхъ людей въ обществѣ, ни начальства, — такъ какъ искренни они могли быть только въ томъ случаѣ, если бы они не знали сочиненій Шевченко; — а такъ какъ начальство послѣдняго допустить не можетъ, то оно должно было записать ихъ въ «хитрыхъ хохловъ» — и взять ихъ подъ надзоръ полиціи!

Теперь уже читаемъ въ южнорусскихъ газетахъ голоса о томъ, что «теперешнюю школу» даже и странно посвящать памяти Шевченко, — но вмѣсто школы нѣкоторые предлагаютъ строить памятникъ Шевченку на тѣхъ же, напр., началахъ, на какихъ поставленъ въ Нѣжинѣ памятникъ Гоголю.

Это значитъ опять искать такой думы, которая бы взяла на себя инициативу дѣла, — или опять составлять частный комитетъ, т. е. опять набраться униженій и, не добившись ничего, подать на себя доносъ!

Какъ такъ не понять, что, если бы даже Шевченко и можно было уложить въ какія либо легальныя формы, *) то въ теперешней Россіи никакая легальность не возможна? Вѣдь давно сказано, — что в Россіи «въ сенатѣ нѣтъ закона, — въ немъ столбъ, а на столбѣ корона!» А около короны (извините за рифму) — полицейскіе бароны, изъ которыхъ у каждого своя фантазія. Какая же тутъ можетъ быть легальность! А потому почитателямъ Шевченко в теперешней Россіи нечего и совѣтаться въ легальность съ ихъ культомъ, — и если кто не находитъ, что лучшая форма культа Шевченко — это пропаганда въ массахъ его идей, наиболѣе согласныхъ съ идеями европейскаго радикализма, — политическаго, социальнаго и культурнаго, — и если кто желаетъ ограничиться исключительно литературною формою культа поэта, тѣмъ всего разумнѣе во всѣхъ отношеніяхъ, до установленія в Россіи хоть элементарной политической свободы, перенести точку про-

*) У Шевченко нелегальность не есть грѣхъ молодости, какъ у Пушкина, — и не крайніе побѣги, какъ у Некрасова. Онъ весь нелегаленъ, — и даже то, что могло бы быть у него легально, — чисто національная его сторона, — станетъ легальнымъ только тогда, когда Россія станетъ федеральною.

явленія своего культа и жертвоприношенія для него — за границу, лучше всего въ австрійскую Украину. По настоящему положенію послѣдней, всего цѣлесообразнѣе было бы для литературнаго культа Шевченко, — по нашему мнѣнію, основаніе во Львовѣ бібліотеки его имени, которая бы представляла тамошней публикѣ, особенно молодежи, книги объ Украинѣ и потомъ о Россіи и о Славянищинѣ вообще, преимущественно о положеніи и интересахъ тамъ народныхъ массъ. Бібліотека эта должна быть поручена нарочитому обществу изъ мѣстныхъ людей, — конечно, независимаго образа мыслей, и съ такимъ статутомъ, при которомъ обезпечено было бы, что бібліотека не станетъ достояніемъ узкаго кружка.

Мы позволимъ себѣ закончить эту статейку предложеніемъ лицамъ, сочувствующимъ сказанному плану в Россіи и въ Австріи, равно какъ и въ другихъ славянскихъ земляхъ, — высказать о томъ свои соображенія печатно, или переслать ихъ для напечатанія въ «Громадѣ», или въ «Вольномъ Словѣ», редакция котораго, надѣмся не откажетъ на то въ своемъ согласіи.

М. Драгомановъ.

Въ 24 № «Братства», по просьбѣ г. Драгана Цанкова къ редакціи, напечатано его прошеніе къ князю Баттенбергу. Посылаю вамъ переводъ этого прошенія.

Ваше Высочество!

Извините, если обращаюсь прямо къ Вашему Высочеству съ дѣломъ, которое относится собственно къ области обыкновенныхъ судовъ. Не разъ мнѣ приходилось видѣть, что судебная власть отказывается примѣнять силу закона къ чиновникамъ, которые при исполненіи Высочайшихъ распоряженій злоупотребили своею властью и оскорбляли частныхъ лицъ. Въ виду этого, осмѣливаюсь обратиться прямо къ Вашему Высочеству съ просьбой, сообразивъ дать приказаніе о разсмотрѣніи поведенія софійскаго полицмейстра г. Николаева по отношенію ко мнѣ при моей высылкѣ изъ Сербіи въ Вратцу. Ревность съ которой Ваше Высочество стремится уничтожить всякую неправду въ своей державѣ, даетъ мнѣ надежду увидѣть должное наказаніе за злоупотребленіе властью. Я не ищу личнаго удовлетворенія. Я всегда переполненъ подобными оскорбленіями и несправедливостями, которыя даютъ мнѣ больше смѣлости для дѣятельности въ пользу общаго блага. Я ищу удовлетворенія для общаго мнѣнія о теперешнемъ ходѣ управленія.

6-го (18) февраля часамъ къ 4 утра въ мою спальню вошла служанка и разбудила меня, сказавъ, что двое изъ полиціи хотятъ говорить со мною. «Зажгите свѣчу, отвѣтилъ я ей, и попросите ихъ войти сюда.» Вошелъ г. Николаевъ, софійскій полицмейстеръ, вмѣстѣ съ другимъ чиновникомъ въ мундирѣ прістѣва, имени котораго не знаю, и сказали мнѣ почти эти слова:

«Извините, г. Цанковъ, что пришелъ къ вамъ въ такое время, но я это дѣлаю по обязанности службы» — «Ничего», отвѣтилъ я ему, «понимаю, что значитъ обязанность для чиновника, но извольте сообщить мнѣ, по

какому поводу вы пришли?» «По приказу Его Высочества, вы должны быть высланы из Софии и жить в Вратце; повозка готова для вас, и в продолжении одного часа вы должны быть готовы ехать». — «Подчиняюсь приказу Его Высочества», ответил я ему, но для того чтобы исполнить его, я должен иметь формальный документ об этой высылке, и потому прошу вас написать мне бумагу от имени полицейского управления. Потом, прибавил я, не знаю смогу ли в один час приготовиться, потому что одолжил свою шубу своему приятелю, который поехал в Лом, так что я должен себя искать шубу и шапку; но вам легче достать мне шубу, и я попрошу вас дать мне дрожки вместо предлагаемой вам повозки». «Хорошо», ответил г. Николаев и отправился написать мне бумагу и принести шубу, сказав, что ему дано для меня пятьсот франков, на что я ответил, что когда он принесет шубу, то о деньгах поговорим.

Через четверть часа г. Николаев принес мне одну бумагу за свою подписью, но без печати полицейского управления. Я ее отдал ему обратно для приложения печати. Хотя он меня и убеждал, что бумага должна быть без печати, но все таки взял ее и отправился приложить печать. Нисколько времени спустя, вышеупомянутый пристав, который все время оставался сторожить меня, подаль мне ту же самую бумагу с приложенной обратно печатью одного из софийских участков; я ее опять возвратил и сказал, что это преступление, так как должна быть приложена печать полицейского управления. «Другой печати нет», ответил мне пристав, «шубы тоже нет; возмешь ли пятьсот франков или нет — скорей, повозка пришла». «Если шубы нет; сказал я, то я пошлю своего сына искать», и послал его к доктору Шинманову, у которого, насколько знаю, есть шуба. «Что касается пятисот франков, продолжал я, полиция должна мне написать, кто мне их дает и почему, тогда я отвечу; я не хочу брать неизвестных денег на неизвестные вещи, потому что знаю, что полиция уже брала деньги из казначейства для меня, а я не получал их». После этого разговора с приставом, мой сын, которого я послал за шубой возвратился и сказал мне, что во дворе жандармы и не пускают его выйти на улицу. В то самое время, когда я просил пристава позволить моему сыну пойти вместе с жандармом искать шубу, вошел г. Николаев с жандармами и приказал мне взять меня. В это время моя жена укладывала в сундук платье для дороги и книги, которые немного перед этим я себе выбрал из библиотеки. Я начал пить поданный мне стакан чаю. Был я одет так, как всегда, когда остаюсь за работой в своей теплой комнате, т. е. в панталонах, в одном нижнем тонком сюртуке, в тонких башмаках, в которых нельзя ходить на улицу иначе, как в калошах, и с открытой головой. В этом наряде, не дав мне даже возможности выпить поданный чай, жандармы схватили меня, понесли на руках и положили в повозку,

которая стояла на улице перед воротами. Напрасно я взывал к жандармам подождать, пока возьму шапку, одну брюку и калоши. Сейчас же в повозку со мной сели двое жандармов, которыми, как и кучеру, полицеймейстер строго приказал немедленно ехать, прибавляя мне еще другие слова, которых я не понял, и не хотел слушать моей просьбы подождать, пока мне принесут хоть одну шапку. Я думал, что меня везут в полицию, куда мне моя жена принесет остальное платье.

Кучер гнал лошадей, как можно скорее, а жандармы дали мне понять, что везут в полицию. Не дождавшись до нее я начал чувствовать холод в голове и попросил одного из жандармов дать мне свой башлык; он сжался надо мной, дал мне его, и я укутал себя голову, в надежде, что не замерзну, пока дойдем до полиции. Мы проехали мимо полиции. «Куда же вы меня везете?» говорю жандармам. За городом повозка стала, один из жандармов сошел и возвратился с одним верховым жандармом, который вышел из одной хижины; тогда я понял, что меня, голаго и босого, везут через Орханье в Вратцу. Я просил жандармов и кучера остановиться у какой нибудь корчмы, чтобы попросить платья. Первую корчму мы проехали, жандармы сказали мне, что везут до первой деревни, которая будто не далеко; мы проехали не только корчмы, но и все деревни, и остановились только у постоялого двора Ташкесен, деревни в 6 часах от Софии. Пространство это мы проехали в 4½ часа.

Если бы кучер, русский, видел, что я дрожу от холоду, не сжался надо мной и не дал мне своего тонкого платья, которыми я укутал ноги, как укутал голову башлыком жандарма, то я бы непременно замерз и умер по дороге из Софии до Ташкесен. Тут напало двое человек: болгар, Христо Михалев и Стоян Цветков, из которых первый мне дал платье и шапку, второй предлагал мне рубль на расходы, который я отказался взять, потому что один из жандармов купил мне табак, в котором я нуждался до Орханье, где у меня есть знакомые и друзья, которые могли бы дать мне все необходимое.

Ваше Высочество! Полагаю, что в сердцах жандармов, участвовавших при всех этих сценах, чувство справедливости настолько сильно, что они подтвердят истинность всего рассказанного мной.

Имю честь быть смиреннейшим и покорнейшим слуга и подданный Вашего Высочества.

Д. Цанновъ.

Вратца, 9-го (21) февраля
1892 г.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

В одной из парижских газет читаем следующее известие:

«В воскресенье вечером был большой обед у Виктора Гюго.

«По среднему обеду получено было известие, что Александр III помиловал (?) пяти приговоренных к смерти, за которых ходатайство-

вал автор «les Misérables» в письме к царю, опубликованном в газетах.

«Тогда Виктор Гюго встал с места и, глубоко взволнованный, со слезами радости на глазах, громко произнес следующую тост, к которому присоединились все сотрапезники:

«— Пью за царя, который помиловал пять осужденных на смерть и который помилует (?) всех их!»

Празднование годовщины Коммуны не ознаменовалось в Париже ничем выдающимся.

В Цюрихе же, как уведомляет наш сотрудник, помнили годовщину в торжественном и, принимая во внимание незначительность населения города, чрезвычайно многолюдном собрании. Празднеству придали особую торжественность еще и то обстоятельство, что германские рабочие одновременно с днем Коммуны праздновали и годовщину берлинской революции 18 Марта 1848 года.

В Женеве заблаговременно были расклеены объявления, приглашавшие пролетариев к соединению в этот достопамятный день. Перед ними останавливались не только бездельники, но и буржуа, и от одного из последних мы сами слышали громко произнесенную фразу: «Les principes sont bons, mais la pratique est mauvaise». Самое празднование годовщины Коммуны состоялось лишь 21 марта. В этот день около 9 часов вечера собрался в швейцарской Шиса до 150 человек, говоривших между собою большею частью по-немецки. Между присутствовавшими производился сбор в пользу Роанских стачечников.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ типографіи «Вольнаго Слова»

Genève, Chemin Dancet, 15.

поступило въ продажу:

ДІОНИЗІЙ ІІІ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКІЙ

и

ПЛАТОНЪ ІІ МОСКОВСКІЙ

сравнительно историческая игра пригоды

М. Драгоманова.

(Отдельный оттиск из «Вольнаго Слова», № 27)

Цѣна 50 сант.

На дняхъ поступитъ въ продажу:

MARIJA, MATY ISUSOWA.

Wirszi Szewczenka

z uwahamy M. Drahomanowa.